

после провалов 1878 г.), и в «Народной воле» он играл особую роль. Уникальное сочетание ума, внимания к товарищам, навыков тонкого психолога, демократизма, дисциплинированности и требовательности к себе и другим, принципиальности и строгости сделало его фактическим руководителем подполья, не превратив в революционного генерала в стиле С.Г. Нечаева. Как показал Ю.А. Пелевин, «Дворник» был лидером без тени лидерства.

**Дмитрий Рублев: Взгляд на революционеров из окна редакции
«Вестника Европы»**

Dmitry Rublev (Lomonosov Moscow State University, Russia):

A look at the revolutionaries from the editorial office of «Vestnik Evropy»

DOI: 10.7868/S3034579025060096

Ю.А. Пелевин создал целую галерею портретов российских революционеров 1870-х — начала 1880-х гг. По его книге читатель может изучать психологию и духовный мир народников, эволюцию их мировоззрения. При этом, разумеется, её автор далёк как от мифа о «революционной бесовщине», так и от идеализации «рыцарей без страха и упрёка». Пелевин признаёт характерную для них аскетическую самоотверженность, стремление к самопожертвованию во имя блага трудового народа, но не игнорирует и нередкое свойственный им авантюризм (которым отличались, например, Л.Г. Дейч и Я.В. Стефанович), или юношеское позёрство, как в случае с Л. Мирским.

В центре внимания исследователя — фигура А.Д. Михайлова, одного из лидеров «Земли и воли» и «Народной воли», выдающегося организатора подполья, террористических акций и конспирации. Историк вписывает его судьбу в контекст «революционной эпохи», но так увлекается описанием развития народнического движения, что нередко как будто забывает про главного героя, и тот лишь время от времени появляется перед читателем.

С разной степенью детализации в книге освещено множество сюжетов — «хождение в народ» 1874–1875 гг., последующая «оседлая пропаганда», «Чигиринский заговор», образование нелегальных кружков и партий в столице, попытки активистов «Земли и воли» возглавить борьбу рабочих за их социально-экономические интересы, личность и деятельность Н.В. Клеточникова, вооружённая борьба революционеров-народников с правительством — от сопротивления при арестах и побегах до расправ с полицейскими агентами, чиновниками и высшими должностными лицами, в том числе — «казус» В.И. Засулич, убийство Н.В. Мезенцова, покушение на А.Р. Дрентельна и т.д.

При этом книга Пелевина полностью подтверждает наблюдения С.С. Секиринского, отмечавшего, что для исследователей общественной мысли нередко свойственны «направленчество» и солидарность с оценками тех или иных деятелей прошлого³⁵. Одни предпочитают смотреть на изучаемые явления из окон Зимнего дворца или здания III отделения Собственной е.и.в. канцелярии на Фонтанке, другим ближе взгляд из подполья. Пелевин как будто обозревает «революционную эпоху» из комнат редакции журнала «Вестник Европы». Он де-

³⁵ Секиринский С.С. «Направленчество» или «внепартийность»: два подхода к изучению русской общественной мысли // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Материалы международной научной конференции. Москва, 28–29 октября 2010 г. М., 2011. С. 101.

монстрирует, как правило, достаточно объективное, в меру доброжелательное отношение к тем, о ком пишет, и в то же время резко критикует программу народников, «хождение в народ», агитацию землевольцев среди рабочих, «индивидуальный террор». Впрочем, его суждения, к примеру, об административной деятельности Ф.Ф. Трепова на посту градоначальника Санкт-Петербурга не менее беспощадны — в его репутации деспота и коррупционера автор не сомневается.

Некогда Н.Я. Эйдельман вывел типаж советского профессора-историка, который, «например, столь ясно видит ошибки народников, что нет сомнения — если бы он сам пошёл в народ, мужики бы непременно поднялись»³⁶. Так стоит ли вновь рассуждать о заведомой неудаче революционной пропаганды в деревне ввиду неграмотности крестьян, не читавших полученные ими брошюры, которые могли заинтересовать лишь полицию, искавшую вещественные доказательства, и потомков, равнодушных к литературным памятникам? Наивный монархизм, хотя и был тесно связан с идеями «чёрного передела» помещичьей земли и «поравнения» земельных наделов, также не содействовал успеху пропагандистов. Правда, Пелевин опровергает миф о том, что население массово сдавало их полиции. По его данным, с полицией связывались прежде всего клирики и представители сельского и волостного самоуправления, тогда как их односельчане в большинстве своём с недоверием, но всё же общались с неизвестными людьми, не разделяя, но и не всегда отвергая то, что те говорили, особенно если дело касалось малоземелья, податей, злоупотребления властью и т.п. Со своей стороны, революционеры пытались манипулировать слушателями, будь то чигиринские крестьяне или солдаты Петропавловской крепости, охранявшие С.Г. Нечаева и вовлечённые им в некое подобие заговора с планами захвата в заложники императорской семьи.

Пелевин настаивает на том, что наивный монархизм, фатализм «народного православия» и рост частнособственнических настроений в деревне мешали любым проявлениям социального протеста. С этим трудно согласиться, помня хотя бы о выступлениях, сопровождавших реформу 1861 г., или о крестьянских восстаниях 1902 и 1905–1907 гг. Представления крестьян отнюдь не были непротиворечивы и монолитны, к тому же при смене поколений и большем соприкосновении с городской культурой они заметно менялись и радикализировались, что и сказалось в начале XX в. Но если народники-бакунисты видели в русском крестьянине прирождённого социалиста, то Пелевин изображает его последовательным индивидуалистом, чуть ли не разделяющим взгляды А. Смита на частную собственность. Правда, тут же приводятся многочисленные свидетельства участников «хождения в народ» о том, что крестьяне ожидали передела помещичьей земли и мирной «передачи её в равнение всех» по воле царя (I, с. 413). К концу столетия, когда эти надежды не сбылись, страна оказалась на грани крестьянской войны. Будь наблюдения Пелевина верны, непонятно, как община пережила Столыпинскую реформу, которой воспользовалось лишь меньшинство крестьян, и почему аграрная программа эсеров, развивавшая и модернизирувавшая идеи «Земли и воли», на выборах в Учредительное собрание получила широкую поддержку в деревнях, где не захотели голосовать за кадетов.

Бессмысленно спорить об успехах «хождения в народ» 1874–1875 гг., поскольку их не было, однако его нельзя считать случайным явлением, напротив, сложившиеся в России условия делали его неизбежным. Для радикальной

³⁶ Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 81.

интеллигенции оно стало важным этапом в познании «народа»³⁷, в преодолении культурного раскола между европеизированной после реформ Петра I и традиционной частью населения. Столкновение консервативно-народной и радикально-социалистической утопий многих убеждало в необходимости изменения собственного мировоззрения и переосмысления идейных установок. Провал «хождения в народ» подталкивал революционеров-народников к борьбе за политические свободы и одновременно способствовал укреплению позиций умеренно-народнических течений, призывавших радикальную интеллигенцию к долговременной культурнической работе на благо крестьянства в рамках земств и волостной администрации³⁸. Собственно и автор книги признаёт: «“Хождение в народ” — уникальный феномен отечественной истории, который стимулировал идейные искания в радикальной среде и дал сильнейший толчок демократическому движению, направленному на борьбу с царизмом. Движению, которое предопределило путь революционного народничества от “Земли и воли” и “Народной воли” к партии эсеров вплоть до Февральской революции, когда самодержавие было свергнуто не без участия крестьянства, одетого в солдатские шинели и матросские бушлаты» (I, с. 169).

В отдельной главе Пелевин детально проанализировал подготовку и ход демонстрации, проведённой народниками у Казанского собора 6 декабря 1876 г., а также её последствия. Тогда всё вышло сумбурно, скоротечно и легкомысленно. Однако трудно ожидать чего-то иного, ведь до того в России открытых антиправительственных манифестаций попросту не устраивалось.

Народническая пропаганда среди рабочих в 1870-е гг. также являлась первым шагом к их радикализации и к тому движению, которое будет важным фактором революции 1905–1907 гг. В пореформенное время стачки постепенно становились обыденным делом. Тяжёлые условия жизни, низкая оплата труда, игнорирование хозяевами предприятий элементарных нужд работников неизбежно порождали конфликты (I, с. 462–474). Иногда их участники присоединялись затем к народническим рабочим кружкам³⁹. При поддержке революционеров в Одессе и Санкт-Петербурге возникли первые в России политические организации рабочих. Конечно, и на фабриках «вера в верховную власть как защитницу народных интересов если и была поколеблена, то у немногих» (I, с. 521). Тем не менее, как отмечал ещё Г.В. Плеханов, в городах пропагандисты встретили куда больший отклик, чем в деревне⁴⁰.

В главе «Дезорганизация» (II, с. 92–132) Пелевин рассматривает как террористические акты любые случаи применения силы, включая вооружённое сопротивление представителям власти при арестах и побегах (II, с. 105, 132), не говоря уже об аграрном и фабричном терроре, который обсуждали ещё некоторые землевольцы, предвосхитившие тактику анархистов 1903–1908 гг. Одна-

³⁷ Подробнее см.: *Базанов В.Г.* Русские революционные демократы и народознание. Л., 1974.

³⁸ *Зверев В.В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России // *Общественная мысль России...* С. 367, 369–370.

³⁹ *Чарушин Н.А.* О далёком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века. М., 1973. С. 170, 310; *Шишко Л.Э.* С.М. Кравчинский и кружок чайковцев // *Степняк-Кравчинский С.М.* Грозная туча России. М., 2001. С. 312; *Зелник Р.* Доклассовое сознание: воспитание рабочего-революционера и структура его автобиографии // *Зелник Р.* Личность, протест, история. Сборник статей. СПб., 2007. С. 246–248.

⁴⁰ *Плеханов Г.В.* Русский рабочий в революционном движении. Статьи 1885–1893 гг. Л., 1989. С. 52.

ко столь широкая трактовка данного явления выглядит далеко не бесспорной и недостаточно обоснованной.

Как отмечает в предисловии Г.С. Кан, в 2011 г. Пелевин «почти дословно повторил (и несколько расширил) сказанное некогда Л.А. Тихомировым о террористах», констатируя: «Когда у народа достаточно сил и энергии провести прогрессивные преобразования, революционеры излишни, когда же таковые условия отсутствуют, то революционеры бесполезны» (I, с. 12). Но вряд ли удастся понять, как появляются те или иные элементы политического спектра, если воспринимать их как «лишние». На практике они зачастую дополняют друг друга в определённом историческом контексте. В мировой истории наличие радикалов влияло на готовность правящих элит осуществлять масштабные политические и социально-экономические преобразования в интересах широких слоёв населения. Можно по-разному судить о том, насколько «прогрессивны» или «бесполезны» были революционеры, но они, наряду с более умеренными социалистами и либералами, сыграли весьма заметную роль в формировании политических предпочтений населения Российской империи. Репрессии создавали им ореол мучеников, а революционная героика помогала подпольщикам пополнять свои ряды и продолжать борьбу с самодержавием на новой идеологической основе. И лишь с учётом всех этих аспектов возможно постигнуть значение деятельности Михайлова и его единомышленников.

Действительно, каким бы хилым, жалким, слабым и беспомощным существом ни казался грудной ребёнок, у него есть потенциал, и первые неуверенные, неудачные движения свидетельствуют именно о развитии, а вовсе не о деградации и упадке. Так и любое общественно-политическое движение первоначально может казаться чем-то крайне нелепым, пока не наберёт силу. Не следует забывать, что многие революционеры, начинавшие свой путь в 1870-е гг., впоследствии проявили себя и в социал-демократическом (П.Б. Аксельрод, О.В. Аптекман, Л.Г. Дейч, В.И. Засулич, Г.В. Плеханов), и в неонародническом (Е.К. Брешко-Брешковская, П.С. Ивановская, М.А. Натансон, Н.С. Рusanов, Н.С. Тютчев, В.Н. Фигнер, Н.В. Чайковский и др.), и в анархистском (П.А. Кропоткин, В.Н. Черкезов) движениях. И в новых реалиях они не раз обращались к урокам и разочарованиям молодости.

Книга Ю.А. Пелевина, несомненно, принадлежит к числу тех исследований, без которых уже невозможно обойтись, изучая политическую историю пореформенной России. Даже полемизируя с ним, нельзя не испытывать глубокую благодарность учёному, безвременно ушедшему из жизни за рабочим столом и до последней минуты создававшему этот труд.

Андрей Мамонов: Власть и революционеры 1870-х гг.

Andrey Mamonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Power and revolutionaries of the 1870s

DOI: 10.7868/S3034579025060106

История революционного движения в России по-прежнему остаётся одной из наиболее идеологизированных тем. У истоков её изучения стояли те, кто прошёл по молодости через увлечение радикальными доктринами, или, наоборот, вёл борьбу с подпольными кружками и партиями. В советское время, при